

В.Ф. Ходасевич

Большевизм Блока

(Беглые мысли)

Блок вел дневники, которые можно разбить на четыре группы. Из них первая (до 1901 г.), уничтожена самим поэтом. Ко второй относятся пять тетрадей, обнимающих период с середины 1901 года по ноябрь 1902 г. Эта группа, по содержанию слишком интимно связанная с периодом «Стихов о Прекрасной Даме» и с личностью жены Блока, пока не опубликована.

Остаются еще две группы: дневники за 1911–1913 годы и — с 25 мая 1917 по 3 июля 1921 г. Петербургское «Издательство писателей» издало их двумя томами, из которых первый появился около года тому назад, второй — недавно.

Различие между этими двумя книгами заметно с первого взгляда. Записи о событиях личной и литературной жизни преобладают в первом. Революция — главная тема второго.

Я бы затруднился определить, который из них «любопытнее». И тот, и другой станут ценными памятниками недавней эпохи. И в том, и в другом, в их различиях так же, как в их сходствах, отражена личность Блока — самого замечательного из русских поэтов XX столетия (и вообще одного из самых больших наших поэтов).

Вполне возможно, что самые ценные данные будут со временем извлечены из первого, а не из второго тома дневников. Блок был прежде всего поэт, и, быть может, важнейший комментарий к его поэзии более связан с явлениями личной жизни и литературной эпохи, нежели с событиями политическими, с переживаниями общественного порядка. Но фокусы историко-литературного интереса имеют способность перемещаться. В данное время фигура Блока — автора «Двенадцати» и «Скифов», отчасти заслонила от нас автора «Балаганчика» и «Седого утра» (насколько мы в этом правы эстетически, и правы ли, — другой вопрос). В Блоке наиболее волнует сейчас его «большевизм». Естественно нам сейчас на том и остановиться. Да признаться — и сама эта тема сейчас более доступна: первый, «личный» том блоковских дневников, чтобы стать вполне понятным, должен быть исследовательски связан с дневниками еще не изданными, с перепиской, тоже еще не целиком опубликованной, с перепиской и воспоминаниями других лиц и т. д. Наконец, сам этот первый том напечатан пока с такими пропусками, с таким обилием звездочек, заменяющих собственные имена, что пользоваться им для серьезной работы немислимо. Главное же — внутренняя история Блока так сложна и темна, что только самое обстоятельное и пристальное исследование может ее осветить. Это — дело будущего.

Сейчас скажем лишь несколько слов, самых кратких, о блоковском «большевизме».

* * *

«Блок примкнул к большевикам» — вот самое ходячее мнение — и самое ложное, какое только можно себе представить. Тут в одном слове «примкнул» две грубые ошибки: во времени и, так сказать, в топографии. Во времени — потому, что блоковский так называемый большевизм существовал гораздо ранее, чем начался большевицкий период русской революции (о фактическом господстве большевиков и говорить нечего). В «топографии» — потому что Блок именно никогда не стоял близко к сущности большевизма, никогда не «смыкался» с ним. Расстояние между Блоком и большевизмом всегда было огромно, и таким осталось. Уж если на то пошло, Блок был неизмеримо ближе к левому эсерству. (В изданиях левых эсеров и появились, кстати сказать, его революционные поэмы.) Только когда большевизм, цинически и лживо приспособляясь к стихийному движению, «овладевая им», впитал в себя многое от левого эсерства, — это

расстояние как будто уменьшилось, но только на первый взгляд. Даже если бы это действительно было так — пришлось бы все-таки говорить о попытках большевиков «примкнуть к Блоку», а не наоборот. Для моральной характеристики Блока это в высшей степени существенно. Не он пришел к большевикам: это они его «запятнали братством».

* * *

Стихи Блока не всегда были вполне «прозрачны». Но они все же ясны. Странная вещь: переходя к прозе, Блок почти всегда становился темен. В его дневниках и письмах есть отрывки вовсе невразумительные. Это происходило и от спешности записей, и оттого, что делались они «для себя», без раскрытия терминов и намеков, без обработки. Будущему исследователю придется учиться читать Блока. Для нас пока многое остается неясным, и этого нельзя забывать. Пользоваться блоковскими дневниками надо с осторожностью, всегда памятуя, что данное место может иметь и не тот смысл, который мы в нем усматриваем. Чтобы стоять на твердой почве, надо опираться лишь на те отрывки, ясность которых может считаться непререкаемой. 4 августа 1917 года Блок сам писал: «Следует, кажется, наложить на себя запрещение — не записывать этих отрывков, пока не найдешь формы».

Но, к несчастью, часто бывают темны не только дневники Блока, а и статьи, которые он сам печатал. По-видимому, это какой-то органический порок блоковской прозы. (Снобам, разумеется, позволительно находить в этом так называемую особую прелесть.) В ней слишком много недоговоренностей, противоречий, неточного словоупотребления, порой — скажу прямо — недодуманности. Блок и в статьях хотел оставаться лириком. Часть их так и называется: «Лирические статьи». Сейчас было бы слишком долго пояснять, как и почему это происходило. Факт тот, что в статьях Блок более записывал свои ощущения, видения и предвидения, нежели рассуждал. С его статьями весьма позволительно не соглашаться. Порою с ними нетрудно спорить. Но сейчас я только хочу кое-что из них напомнить, чтобы наметить психологическую, а то и вовсе *лирическую* историю блоковского «большевизма».

* * *

Еще в годы 1907–1913, Блок написал цикл статей: «Религиозные искания и народ», «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура», «Ирония», «Дитя Гоголя», «Пламень». Они были встречены целой гаммой недоброжелательства — «от ненависти до презрительного снисхождения», — говорит Блок. Мне кажется, эта злоба вызвана была не столько блоковскими выводами (да и были они довольно смутны), сколько самим импульсом статей и их тоном. То был крик, вопль отчаянной тревоги. Блок кричал «горим!» — но выхода из горящего здания не указывал...

Пропасть между народной Россией и русской интеллигенцией — вот что ужаснуло Блока. Он не отрицал, что «волю, сердце и ум положила она на изучение народа», но ясно видел, что в ответ из народной толщи подымается лишь одно: недоверие, молчание «себе на уме», напускнутое смирение и тайная злоба: «вот, ужот-ка покажем».

Народ и интеллигенция представлялись Блоку двумя станами: «полтора миллиона, с одной стороны, и несколько сот тысяч — с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном». «Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение... Над городом стоит гул. Среди десятка миллионов царствует как будто сон и тишина». Но эта тишина — перед грозой: «Гоголь и многие русские писатели любили представлять себе Россию как воплощение тишины и сна; но этот сон кончается; тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом, непохожим на смешанный городской гул. Тот же Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой...» «Русь, куда же несешься ты? Дай ответ». Но ответа нет, только «чудным звоном заливаются колокольчик». Тот гул, который возрастает так быстро... и есть «чудный звон» колокольчика тройки,

говорит Блок... И далее: «Что, если тройка, вокруг которой “гремит и становится ветром разорванный воздух”, — летит прямо на нас? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель... Можно уже представить себе, как бывает в страшных снах и кошмарах, что тьма происходит оттого, что над нами повисла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелые копыта».

Это написано за девять лет до революции. За четыре — Блок писал еще отчетливей: «Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной».

Себя самого Блок не отделял от интеллигенции: напротив, подчеркивал свою кровную связь с нею. Раздражение, которое вызывали его высказывания о грядущей революции, объясняются другими причинами. Их две: во-первых, Блок возбуждал тревогу, которая метала интеллигентному обывателю спокойно «шествовать по пути прогресса» и «разрешать вопросы». Блок даже подчеркивал, что именно это шествие есть шествие к катастрофе. Во-вторых — и это было всего досаднее, и досада имела веские основания, — Блок, призывая к какой-то коренной перемене в отношениях к народу и с народом, долго не мог вразумительно указать, что именно должно быть положено в основу перемены.

Наконец — указал, назвал слово. В январе 1918 года, когда уже предчувствовались грядущие ужасы, Блок обратился к интеллигенции: «Бороться с ужасами может лишь дух... А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Это было не только туманно, но и жестоко. Когда туман несколько рассеялся, то жестокость от этого только усугубилась. Когда Блок объяснил, что понимает он здесь под «музыкой», стало ясно, что Блок требует от интеллигенции неисполнимого. Хуже того: чтоб она признала все свое прошлое, порою столь героическое, — сплошной и «демонической» ошибкой.

31 марта 1919 года Блок записал в дневнике основные мысли своего доклада о крушении гуманизма и либерализма. Прошу извинения за длинную выписку — она необходима.

«В начале была музыка. Музыка есть сущность мира. Мир растет в упругих ритмах. Рост задерживается, чтобы потом “хлынуть”... рост мира есть культура. Культура есть музыкальный ритм. Вся короткая история человечества... есть смена эпох, из которых в одной — музыка замирает, звучит заглушенно, чтобы с новым волевым напором хлынуть в другой, следующей за нею. Такова великая музыкальная эпоха гуманизма — эпоха Возрождения... Великое, музыкальное, синтетическое, культурное движение гуманизма, изживая самое себя, накануне XIX ст. встретилось на пути своем с новым движением, идущим ему на смену (движение масс); об это новое движение и разбился гуманизм... Те ручейки, которые разбежались во все стороны, послужили силами для образований, которые мы все привыкли, обобщая, называть образованиями европейской цивилизации... Научное движение принимает характер позитивизма и материализма; оно разбивается на сотни отдельных движений (методов, дисциплин)... Отдельные дисциплины становятся все более недоступными для непосвященных. Является армия специалистов, отделенных от непосвященных стеною своей кабинетной посвященности. Непосвященные, между тем, напоминают о себе непрекращающимися отныне революциями... Стая посвященных... продолжает писать на своих знаменах старые гуманистические лозунги... Что же — цивилизация — обогащение мира? Нет, это перегрузение мира, загромождение его (Вавилонская башня). Ибо все — множественно, все разделено, все не спаяно... Музыка была тем цементом, который создавал культуру гуманизма; когда цемента не стало, гуманистическая культура превратилась в туманную цивилизацию... Под шумом обостренных националистических распрь и раздоров уже предчувствуется эпоха, когда самые молодые расы пойдут рука об руку с древнейшими под звуки

той радостной музыки, которая прозвучит для разделившей их цивилизации, как похоронный марш».

* * *

Призыв «слушать Революцию», обращенный к интеллигенции, в устах Блока равнялся призыву не только зачеркнуть все свое прошлое, но и превратиться из людей цивилизационной, упадочной, «антимзыкальной» эпохи — в людей эпохи культурной, «музыкальной». Блок, разумеется, предлагал интеллигенции нечто неисполнимое, исторически невероятное. И предложение было жестоко. В ответ он был объявлен большевиком.

В действительности, он принимал не большевизм, а «музыкальную стихию» революции, к которой большевизм только примазался. Революция представлялась Блоку явлением культурно-созидательным, творческим, и он в свою очередь раздражался на интеллигенцию, видевшую в революции одни ее «эксцессы»: «Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути?.. И, наконец, что так “бескровно” и так “безболезненно” и разрешится вековая распря между “черной” и “белой” костью, между “образованными” и “необразованными”, между интеллигенцией и народом?»

Между большевизмом и революцией Блок никогда не ставил знака равенства. До большевизма ему просто не было дела. Он вообще сравнительно мало говорит в дневнике о большевиках — и чаще всего иронически. Напротив, можно догадываться, что постепенно большевизм в его глазах становился той силой, которая мешают «молодым расам», сбивает их с пути, «напутывает новые узлы», по его выражению.

Большевики становились ему противны. Об этом можно смутно догадываться по записи 16 ноября 1920 года. А еще через месяц, 13 декабря: «Разные невоплощенные Мейерхольды и многие весьма воплощенные уголовные элементы еще все сосут, как пауки, обильную русскую кровь; они лишены творчества... они стараются опутать жизнь сетью бледной, аскетической, немощной доктрины». В общем, конец дневников глубоко мрачен. О большевизме Блок или не решался высказываться, боясь обыска, или, что вернее, его высказывания исключены цензурой. Как бы то ни было — речь Блока на пушкинских торжествах в феврале 1921 г. была прямым вызовом. Она прозвучала в некоторых частях, как прямая пощечина большевикам. Не привожу отрывков из нее — она общеизвестна.

Нельзя говорить о том, будто Блок «разочаровался» в большевизме. Этого не было, потому что он большевизмом никогда, ни на миг не «очаровывался». Можно предположить (и то без уверенности), что Блок считал их такими же «попутчиками» революции, каким ему хотелось быть самому, — пока он не разочаровался и в самой революции.

Под конец жизни, сжигаемый страшной тоской, подавленный страшной тяжестью, от которых и умер (никто никогда не мог определить его «болезнь»), — Блок жаловался Чуковскому, что он «оглох», что «больше не слышит музыки», что все вокруг него стало немо и пусто. Это сам Блок перестал слышать «музыку Революции» — потому что в действительности ее и не было. Он слышал ее в себе, в своем сердце, он выдумал Революцию такую прекрасной, какой она никогда не была.

<1928>